

Максим Горький

Женщина

Максим Горький

Женщина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=637035

Аннотация

«Летит степью ветер и бьёт в стену Кавказских гор; горный хребет – точно огромный парус и земля – со свистом – несётся среди бездонных голубых пропастей, оставляя за собою изорванные ветром облака, а тени их скользят по земле, цепляются за неё, не могут удержаться и – плачут, стонут...»

Максим Горький

Женщина

Летит степью ветер и бьёт в стену Кавказских гор; горный хребет – точно огромный парус и земля – со свистом – несётся среди бездонных голубых пропастей, оставляя за собою изорванные ветром облака, а тени их скользят по земле, цепляются за неё, не могут удержаться и – плачут, стонут...

Деревья гнутся долу, словно бегут; кусты встряхивают ветвями, как собаки шерстью, и стелются по чёрной земле – она дымится вся в пыли, течёт не умолкая сухой шорох, свист и вой, щёлкают аисты, крикают сытые вороны, немолчно трещат степные сверчки, и, словно командуя всем, раздаются крики солидных, крупнорослых станичников. С голой степи мчится перебитая молотилками золотая солома, на площади нарядной казачьей станицы крутятся серые вихри, летают птичьи перья и сожжённый солнцем жёлтый лист.

Торопливо появляется солнце, быстро исчезает, точно оно гонится за бегущей землёю и устало уже – отстаёт, тихо падая с неба в дымный хаос на западе, где тоже горы в снежных вершинах и краснеют сырые тучи, тяжёлые, как вспаханная земля.

Порою между массами туч ослепительно сверкает седло Эльбруса и хрустальные зубья других гор – они вцепились в облака и пытаются удержать их. Так ясно чувствуешь бег

земли в пространстве, что трудно дышать от напряжения в груди, от восторга, что летишь вместе с нею, красивой и любимой. Смотришь на эти горы, окрылённые вечным снегом, и думается, что за ними бесконечно широкое синее море и в нём гордо простёрты иные чудесные земли или просто – голубая пустота, а где-то далеко, чуть видные в ней, кружатся разноцветные шары неведомых планет – родных сестёр моей земли...

Со степи едут воза обмолоченного хлеба; в пыли, чёрной и жирной, как сажа, степенно и тяжело шагают круторогие сивые волы, глядя в землю терпеливым взглядом круглых глаз; на возу лежит казак, в серой от пыли рубахе, мохнатая папаха сдвинута на затылок, лицо черно от загара, глаза красны от ветра, а борода склеена потом, пылью – точно каменная. Иногда казак идёт впереди воза, у ярма, ветер толкает его в спину, раздувая рубаху; человек так же гладок и солиден, как вол, и глаза у него такие же терпеливо-умные; двигается он не торопясь, как будто зная всё, что ждёт его впереди.

– Цоб... цобе...

У них хороший урожай в этом году, все они – здоровые, сытые, но – смотрят хмуро, говорят неохотно, сквозь зубы. Может быть, устали в работе...

Посреди станицы в небо поднялась краснокирпичная церковь о пяти главах, с колокольней над папертью; наличники окон оштукатурены и покрашены желтоватой краской – церковь как будто слеплена из мяса, обильно прослоённо-

го жиром, тень её кучна и тяжела; храм, созданный сытыми людьми большому, спокойному богу.

Хороводом стоят приземистые белые хаты; точно дородные бабы, стоят они, опоясавшись кручёными поясами плетней, пышно окутанные шелками садов, покрытые выцветшей парчой камышевых крыш, а над крышами качаются серебристые тополя, вздрагивает кружевная листва акации, тархтят, как детские погремушки, сухие стручья, тёмные ладони каштанов треплются в воздухе, точно желая схватить быстро бегущие облака. Со двора на двор бегают казачки, высоко подоткнув подола юбок и рубах, обнажив до колен большие, крепкие ноги, – торопясь убраться к празднику, они озабоченно покрикивают друг на друга и на круглых ребятишек, которые – словно воробы – купаются в пыли и, черпая её горстями, высоко подкидывают в воздух.

У церковной ограды, за ветром, развалились по сухому рыжему бурьяну «шляющие за работой»; их десятка два, всё это – «никудышный народ», мечтатели, ожидающие счастливого случая, доброй улыбки судьбы, или – лентяи, опьянённые широким простором богатой земли, пленники русской страсти к бродяжеству. Они ходят группами в два-три человека из станицы в станицу, именно «за работой», смотрят на неё, удивляются её обилию, но работают только в крайней нужде, когда уже нет возможности утолить голод иными способами – попрошайничеством или воровством.

Завтра – успеньев день, в богатой станице – праздник, и

вот они собрались отовсюду, в надежде, что праздничный день напоит и накормит их досыта, без труда с их стороны.

Все это «русские» – из центральных губерний, они дочерна сожжены непривычным солнцем юга, волосы их выгорели, ветер ершит и треплет их лохмотья, все они притворяются смиренными, благочестивыми – устали от трудов, от неудач жизни и вот – сошлись сюда.

Когда мимо них проплывает, охая и поскрипывая, тяжёлый воз хлеба, проходит, жуя соломинку, казак, – они покорно, наянливо кланяются ему, а он смотрит на них косо, пренебрежительно, не ломая шапки, чаще же совсем не видит, как изгибаются перед ним серые лохматые фигуры чужих людей.

Ниже и вычурнее других кланяется казакам туляк Конёв, мужик сухой, обгорелый, точно головня, с чёрной бородкой, беспечно рассеянной по костлявому лицу, с ласковой улыбочкой тёмных глаз, глубоко спрятанных в орбиты.

Я только сегодня пристал к этим людям, но Конёв – старый знакомый мой, по пути из Курска до Терской области я неоднократно встречал его. Он – человек «артельный», любит держаться среди людей, но, кажется, лишь потому, что очень труслив. На всех точках земли вне своей деревни, прижавшейся где-то к пескам Алексинского уезда, он убеждённо говорит всегда одно и то же:

– Действительно, земляца тут богатая, а с людьми я не согласен... никак! В нашем краю народ куда те душевнее,

настоящий русский народ, равнения нет со здешним! Тут – кремни, тут души и на трёшник нет!

Он любит тихо и задумчиво рассказать чудесный случай неожиданного обогащения:

– Вот – в подковы ты не веришь, а я те скажу – нашёл один ефремовский мужик подкову, а недели через три за этим дядя его, лавошник в Ефремове – со всею семьёю и сгори, – видал? Всё наследство – мужику этому попало, – да! Нет, ты не бай, чего не знаешь: судьба человека жалеет, она его часто с добром стережёт...

Его чёрные, круто изогнутые брови вползают высоко на лоб, а глаза изумлённо выкатываются из орбит, точно Конёв и сам не может поверить в то, что рассказал.

Когда казак пройдёт, не ответив на поклон, Конёв смотрит в спину ему и ворчит:

– Заелся, не видит даже человека... Нет, я прямо скажу: суходушный народ!..

С ним – две женщины; одна – лет двадцати, коротенькая, толстая, со стеклянными глазами и полуоткрытым ртом. У неё лицо дурочки: нижняя часть его, с обнажёнными зубами, как будто смеётся, а когда взглянешь в неподвижные глаза под низким лбом – кажется, что она сейчас заплачет, испуганно и визгливо, точно кликуша.

– Отпустил он меня сюды с чужими людьми, – жалуется она басом, засовывая коротким пальцем под зелёный и жёлтый платок выгоревшие волосы.

Толсторожий скуластый парень с маленькими глазками монгола толкает её локтем в бок, сипло и лениво говоря:

– Бросил он тебя. Только ты его и видела...

– Да-а, – задумчиво тянет Конёв, разбираясь в своей котомке. – Теперь баб очень просто покидают, ни к чему они в этом годе, нипочём...

Баба морщится, испуганно мигая, растягивает рот, – её подруга говорит бойко и внятно:

– А ты не слушай их, озорников...

Она постарше лет на пять, и лицо у неё не обычное: большие тёмные глаза всё время играют, почти каждую минуту меняя выражение: то они пристально и серьёзно смотрят куда-то вдоль станичной улицы и в степь, где летает ветер, вдруг торопливо начинают искать чего-то на лицах людей, потом тревожно прищурятся, по красивым губам пробежит улыбка, – женщина, опустив голову, прячет лицо, а когда вновь поднимает его – глаза у неё новые: сердито расширены, между тонких бровей лежит угловатая складка, запёкшиеся губы аккуратного рта плотно и упрямо сжаты, она шумно, как лошадь, втягивает воздух тонкими ноздрями прямого носа.

В ней чувствуется что-то не крестьянское: из-под синей юбки высунулись потрескавшиеся ступни ног – это не деревенские растоптанные ноги, подъём их высок, заметно, что они привыкли к башмакам. Она чинит голубую с белыми горошинами кофту, и видно, что работать иглой привычно

ей, – небольшие загорелые руки мелькают над измятой материей ловко и быстро. Ветер хочет вырвать шитьё из этих рук и не может. Сидит она согнувшись, в прореху холщовой рубахи я вижу небольшую крепкую грудь, – грудь девушки, но оттянутый сосок говорит, что предо мною – женщина, кормившая ребёнка. Среди этих людей она – точно кусок меди в куче обломков старого, изъеденного ржавчиной железа.

Большинство людей, среди которых я иду по земле, – не то восходя, не то опускаясь куда-то, – серо, как пыль, мучительно поражает своей ненужностью. Не за что ухватиться в человеке, чтобы открыть его, заглянуть в глубину души, где живут ещё незнакомые мне мысли, неслыханные мною слова. Хочется видеть всю жизнь красивой и гордой, хочется делать её такою, а она всё показывает острые углы, тёмные ямы, жалких, раздавленных, изолгавшихся. Хочется бросить во тьму чужой души маленькую искру своего огня, – бросишь, она бесследно исчезает в немой пустоте...

А эта женщина будит фантазию, заставляя догадываться о её прошлом, и невольно я создаю какую-то сложную историю человеческой жизни, раскрашивая эту жизнь красками своих желаний и надежд. Я знаю, что это ложь, и – знаю – худо будет мне со временем за неё, но – грустно видеть действительность столь уродливой.

Большой рыжий мужик, спрятав глаза, с трудом подыскивая слова, медленно рассказывает голосом густым, как дёготь:

– Ладно-о. Пошли. Дорогой я ему баю – хошь не хошь, Губин, а вор – ты, более некому...

Все «о» рассказчика крепкие, круглые, они катятся, точно колесо тяжёлого воза по тёплой пыли просёлочной дороги.

Скуластый парень неподвижно остановил на молодой бабе в зелёном платке свинцовые белки с мутными, точно у слепого, зрачками, срывает серые былинки, жуёт их, как телёнок, и, засучив рукав рубахи по плечо, сгибает руку в локте, косясь на вздувшийся мускул.

Неожиданно он спрашивает Конёва:

– Хошь – дам раза?

Конёв задумчиво посмотрел на кулак – большой, как пудовая гиря и словно ржавчиной покрытый, – вздохнул и ответил:

– Ты себя по лбу вдарь, может, умней будешь...

Парень смотрит на него сычом, спрашивая:

– А почему я дурак?

– Наличность доказывает...

– Нет, постой, – тяжело поднявшись на колени, придирается парень. – Ты отколь знаешь, каков я?

– Губернатор ваш сказывал мне...

Парень помолчал, удивлённо посмотрел на Конёва и спросил:

– А – какой я губернии?

– Отвяжись, коли забыл.

– Нет, погоди! Ежели я тебя вдарю...

Перестав шить, женщина повела круглым плечом, как будто ей холодно стало, и ласково осведомилась:

– А в сам-деле – какой ты губернии?

– Я? Пензенской, – ответил парень, торопливо перевалившись с колен на корточки. – Пензенской, а – что?

– Так...

Женщина помоложе странно засмеялась подавленным смехом.

– И я...

– А уезда?..

– А я и по уезду – Пензенская, – не без гордости сказала молодуха.

Сидя перед нею, точно перед костром, парень протягивал руки к ней и увещающим голосом говорил:

– У нас город – хорош! Трактиров, церквей, домов каменных... а в одном трактире – машина играет... всё, что хошь... все песни!

– И в дураки тоже играет, – тихонько бормочет Конёв, но, увлечённый рассказом о прелестях города, парень уже ничего не слышит, шлёпает большими влажными губами и, как бы обсасывая слова, ворчит:

– Домов каменных...

Женщина, снова оставив шитьё, спросила:

– И монастырь есть?

– Монастырь?

Свирепо почесав шею, парень молчит, потом сердито от-

вечает:

– Монастырь! Я дотошно не знаю... я один раз в городу-то был, когда нас, голодающих, железную дорогу строить гнали...

– Эхе-хе, – вздохнул Конёв, вставая и отходя. Люди прижались к церковной ограде, как сор, согнанный степным ветром и готовый снова выкатиться в степь на волю его. Трое спят, некоторые чинят одежду, бьют паразитов, нехотя жуют чёрствый хлеб, собранный под окнами казачьих хат. Смотреть на них скучно, слушать беспомощную болтовню парня досадно. Старшая женщина, часто отрывая глаза от работы, чуть-чуть улыбается ему, и хотя улыбка скупенькая, она раздражает меня, и я иду за Конёвым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.